

ГЛАВА 5

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ в РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

5.1. Дискуссия о предмете психологии

Вопрос о предмете психологии сегодня закономерно находится в центре внимания ученых: его постановка требует логика развития психологической науки. Этот вопрос для современной российской психологической науки не просто важный и актуальный — это вопрос важнейший и главный. Не случайно в литературе на протяжении последнего десятилетия наблюдается лавинообразный рост числа публикаций. Стало очевидным, что «проблема предмета психологии — центральная методологическая проблема всей (в особенности новейшей) психологии» [Мазиллов, 2004, с. 207].

Более века назад именно с разногласий в отношении предмета начался так называемый кризис психологии, когда мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», в контексте которых относительно изолированно продолжалось ее развитие на протяжении всего XX века. Бурные дискуссии о предмете периода открытого кризиса не привели к общему, приемлемому для всех решению [Выготский, 1982].

В современной мировой психологической науке сейчас доминирует тенденция к интеграции, важнейшим фактором которой стало развитие психологической практики во второй половине XX века, становление психологии как профессии, что настоятельно требует единых стандартов в этой области. Смена ведущей тенденции, поворот от изоляции к диалогу позволяют утверждать, что кризис психологии в вышеназванном его понимании завершен [Мироненко, 2004]. Таким образом, круг замкнулся, и психология вновь, на новом этапе развития, в посткризисный период, стоит перед задачей определения своего предмета, определения, на основе которого станет возможной интеграция школ и направлений в контексте единой мировой психологической науки.

Для отечественной школы современный период имеет особый, в определенном смысле парадоксальный характер. Во-первых, изоляция отечественной школы периода кризиса усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития страны, возникшим языковым барьером. Это была особого рода изоляция, в которой, наряду с общей для всех школ тенденцией замыкания внутри себя, преимущественного обмена информацией внутри школы, присутствовал и специально созданный государством барьер, препятствующий выходу информации за пределы школы. И сегодня отечественная психология остается недостаточно известной

зарубежным коллегам. Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях. Это делает проблему интеграции в единый контекст мировой науки особенно и специфически сложной для российской науки.

Во-вторых, в советской России развитие психологии с помощью идеологического прессы, отчасти насильственно, удерживалось в рамках единого направления. В настоящее время отечественная психология уже не является монометодологической областью знания, объединенной единой парадигмой. Развитие бурно растущих прикладных отраслей психологической науки в современной России происходит преимущественно на основе иных подходов: гуманитарных, заимствованных из смежных наук, ассимилированных из зарубежной психологии. Фундаментальные теоретические работы также не ограничиваются руслом направления, сложившегося в советский период. Таким образом, современный период стал и временем распада прежде единой отечественной школы.

Все это делает вопрос о предмете психологии вдвойне актуальным и драматичным для российского профессионального психологического сообщества: это вопрос не только интеграции теорий мировой науки, но и вопрос возможности или невозможности воссоединения еще недавно единого отечественного профессионального сообщества.

Для того чтобы в процессе интеграции сложилась единая мировая психологическая наука, ученые, принадлежащие к различным школам, должны определить в качестве своего предмета нечто приемлемое для всех, что позволит обмениваться информацией и конструктивно обсуждать общие вопросы. Предлагаемое сегодня определение предмета должно быть достаточно широким — в этом нельзя не согласиться с В. А. Мазиловым [2004] — и, главное, не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых. Мне представляется бесперспективным сегодня предлагать сложившиеся в отдельных школах «частные» варианты решения, не позволяющие вписать в рамки декларируемого предмета исследования психологов, не принадлежащих к данному направлению, как бы продуктивны эти определения не были «во внутреннем пользовании» школ. Поведение, деятельность, мозговые механизмы, сознание, бессознательное и др. — прекрасные конструкты. Исследования в русле, определяемом ими, существенно обогатили психологию, фактически из этих исследований сложилась современная психология. Но ни одно из этих понятий не годится в качестве определения общего предмета психологии, так как ни одно из них не позволяет интерпретировать и полноценно интегрировать достижения психологии, полученные за пределами «родной» школы.

Не напоминают ли попытки определения общего предмета психологии ловлю в темной комнате черной кошки, которой там нет? О том, что такой предмет в действительности существует, убедительно свидетельствует практика: становление профессии психолога во второй половине XX века как профессиональной деятельности в единой предметной области психологии; работа международных научных и научно-практических союзов и объединений психологов, принадлежащих

к разным школам, в частности таких крупных и успешных, как International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и др., сфера деятельности которых включает в себя и издание широкого круга научных журналов, и проведение представительных научных форумов; логика развития профессионального психологического образования, где стандарты становятся все более общими в разных университетах и странах. Практика убедительно свидетельствует о наличии единого общего предмета исследования, изучения, регуляции для специалистов-психологов, принадлежащих к самым разным школам и направлениям. Проблема в том, что не удастся найти приемлемое для всех его определение. Трудности в решении этой задачи убедительно свидетельствуют о необходимости здесь специального теоретического исследования, разработки, по выражению В. А. Мазилова, «концепции предмета» [Мазилов, 2004].

В поисках широкого, обобщающего определения предмета психологии многие российские психологи обращаются сейчас к понятию Души. Знакомство, например, с работами, вошедшими во второй том Трудов Ярославского методологического семинара [Труды... 2004], целиком посвященный проблеме предмета психологической науки, показывает, что именно в этом направлении движется сейчас наиболее целеустремленный, активный и сплоченный отряд наших методологов. И. П. Волков предлагает использовать понятие души «в качестве базового концепта, методологического принципа психологии, необходимого для адекватного теоретического отображения источника психической реальности» [Волков, 2004, с. 37]. По его мнению, именно «понятие о душе, как общетеоретическая категория психологии, могло бы снять проблему междисциплинарной несовместимости в психологии» [Волков, 2004, с. 34]. В. И. Зацепин, который видит будущее нашей науки в русле развития так называемой интегральной психологии, допускает, что «генеральным предметом интегральной психологии может стать именно душа» [Зацепин, 2004, с. 95]. В. И. Зацепин называет в числе тех, кто призывает к возврату психологии к душе в качестве своего предмета, И. П. Волкова, В. В. Козлова, А. И. Субетто, Н. П. Фетискина, В. Н. Шадрикова и других. Возможность использования категории души в психологии обсуждают в названном выше сборнике такие известные методологи, как В. П. Зинченко (2004) и В. А. Мазилов (2004).

Примечательно, что развернутая аргументация в пользу категории души практически не встречает возражений. Наиболее скептически настроенные авторы лишь высказывают сомнения в том, что введение категории души позволит решить все методологические проблемы современного развития науки и немедленно приведет нас к процветанию. На страницах сборника также дважды приводится предостерегающее высказывание М. Я. Ярошевского: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т.е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» [Ярошевский, 1994, с. 96].

Однако прошло более десяти лет с тех пор, как были написаны эти строки. Современное состояние психологии в России существенно изменилось. Вопрос о том, может и должна ли психология быть наукой о душе, требует своего обсуждения и новых аргументов.

Возьму на себя смелость сказать, что я считаю обращение к категории души глубоко неверным шагом, не только бесполезным, но и весьма опасным для развития отечественной психологической науки.

Во-первых, содержание понятия «душа» не более определено, чем содержание понятия «психика». Часто повторяемая в литературе мысль о том, что «психика» — плохое определение предмета науки, так как в свою очередь требует экспликации, полностью может быть отнесена и к понятию души. В работах сторонников использования этого понятия уже сегодня можно видеть как существенные разночтения, так и высочайшую степень неопределенности в отношении того, что же собственно предлагается называть душой.

Во-вторых, душа, как известно, полагалась предметом психологической науки на ранних этапах становления научного рационального познания, когда психология еще не выделилась, не «отпочковалась» от целостного способа понимания мира, присущего древним, не отделилась от житейского психологического познания, религиозного мировоззрения. На протяжении уже нескольких столетий понятие души не используется научной психологией в качестве специального термина, на что есть свои причины.

Понятие души в современной культуре неразрывно связано прежде всего с религией. В этой области веками разрабатываются представления о душе. Эти представления весьма определены и существенно различны в разных религиях и конфессиях. Попытка использовать понятие души в качестве термина в интернациональной и построенной на единых законах человеческой логики науке, придать этому понятию единое и определенное значение, с одной стороны, привела бы к засорению науки вненаучными элементами, а с другой — оскорбила бы чувства верующих. Вот как, например, смотрит на проблему познания души Русская Православная Церковь: «Человеческая душа (*психэ* по-гречески) есть вечно живая умная сущность — *дух*, сотворенный Богом по Своему образу и подобию. Дух не поддается научному исследованию как физический объект или биологический феномен, но, обладая самосознанием, душа сама ощущает себя и выражает собственное бытие посредством мышления, речи, проявления воли и чувств» [Михайлов, 2005, с. 3].

Допустимо ли по отношению к такому явлению исследование, основанное на принципах детерминизма? Вера не знает сомнений и не нуждается в доказательствах: ей принципиально чужды эти неотъемлемые черты науки.

Какие последствия влечет за собой обращение к понятию души в качестве предмета психологического исследования, наглядно показывает опыт духовной психологии — направления, развивавшегося в России в конце XIX — начале XX века, предметом как раз и полагалась душа. Вера и знание признавались здесь тождественными как по их психологической природе, так и по логическому строению [Психологическая наука... 1997]. В рамках духовной психологии уделялось большое внимание обоснованию тезиса о том, что «самооткровение духа» может служить

источником его познания, «о чем свидетельствует обилие статей на эту тему, опубликованных в различных философско-религиозных, богословских и других изданиях» [Психологическая... 1997, с. 40]. Таким образом, интроспекция считалась методом исследования более приемлемым, чем методы объективные. Кроме того, в контексте названного направления утверждалась непрерывность процесса сознания: «Перерыв его равнялся бы прекращению жизни души» (В. А. Снегирев, цит. по: [Психологическая..., 1997, с. 40]). Существование бессознательных явлений отрицалось. С точки зрения и современных религиозных мыслителей, «ученые США и Западной Европы <...> погрязли <...> в мистике гештальтизма, экзистенциализма, пансексуальной мифологии Фрейда» [Михайлов, 2005, с. 7].

Очевидно, что весьма существенная часть современных психологических теорий в чем-то идет в разрез с религиозными представлениями. Можно ли рассчитывать, что такого рода представления позволят интегрировать информацию, накопленную школами? Более того, попытка столкнуть науку и религию имела бы для психологии самые тягостные и разрушительные последствия. Любые попытки утверждать что-либо о душе с позиций современной мировой психологической науки были бы справедливо с гневом отвергнуты религиозными мыслителями. Потому что душа не относится к явлениям объективно существующего реального мира, объяснить который призвана наука в единстве ее естественно-научных, точных и гуманитарных разветвлений. То, что люди называют душой, не доступно научному исследованию, а придумывать что-то новое и называть это душой в каком-то новом, «научном» понимании — не принесет ничего, кроме вреда и раздора.

Однако вряд ли у кого-либо на самом деле возникают сомнения, что понятие души не уместно в контексте современной психологической науки, понимаемой как детерминистское знание, которую невозможно представить себе без таких мощных школ, как бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология, экзистенциализм. Не уместно в контексте той международной науки, к которой относятся International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и другие профессиональные союзы психологов. Призыв провозгласить душу предметом психологии на самом деле означает призыв к полной перестройке и реформированию психологической науки. О какой же реформе идет речь?

Призыв избрать душу в качестве предмета психологической науки, на мой взгляд, стоит в одном ряду с известной концепцией «интегративной психологии» (К. Уйбер, В. В. Козлов), в рамках которой утверждается «идея признания общего истока и глубинного единства всех представлений о психическом, включая не только психологические школы, но и мировые религии, различные духовные традиции, философские и психотерапевтические, эзотерические и профанические» [Козлов, 2004, с. 206]. В обоих случаях мы видим устремление людей науки к стиранию границ между психологической наукой и другими способами психологического познания, такими как искусство, религия, здравый смысл и возможные иные. Это нередкое сегодня явление основывается на сомнениях относительно того, должна и может ли психология быть наукой в полном смысле слова. В качестве аргументов

противного часто ссылаются на то, что психология не может соответствовать строгим критериям проверяемости, детерминизма, кумулятивности и др., которые предъявляются к подлинно научному знанию. Однако ни одна из наук не может считаться совершенной, в любой науке существуют противоречия, недоказанные гипотезы и т. п. В такой безусловно научной области знания, как физика, мирно сосуществуют классическая механика Ньютона и фактически ее отменяющая теория относительности. Каждая находит применение там, где она наиболее эффективна.

Критерии «научности» определяют направления развития теорий, правила, по которым они создаются и принимаются научным сообществом, и гарантируют само существование науки как специфической формы познания, а не совершенство, непротиворечивость и абсолютную истинность продукта науки — научного знания, которые никогда не могут быть достигнуты. Что касается постмодернистских тенденций в развитии психологии, либерализации в современной науке критериев научности знания, в моем представлении, под этим следует понимать не отмену правил, а их усложнение, переход к представлению законов психологии в терминах многомерных, многосвязных и нелинейных теоретических моделей. Постмодернистская психологическая наука остается наукой, и она ничуть не ближе к мифологии, чем классическая, подобно тому как теория относительности не более мифологична, чем классическая механика.

Современная психология сложилась как наука мультипарадигмальная. С самым глубоким уважением относясь к концепции коммуникативной парадигмы развития психологии, предлагаемой В. А. Мазиловым, в контексте которой, как предполагается, будут развиваться, научившись понимать друг друга, различные школы психологической науки, я не могу согласиться с предложением включить в процесс коммуникации на равных правах и внеученные формы познания. «Проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности “рационального анализа” и “объективного контроля”, **если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой**» [Мазилов, 2004, с. 209]. Возможен ли рациональный анализ и объективный контроль в отношении «мировых религий, различных духовных традиций, философских и психотерапевтических, эзотерических и профанических»? Можно ли применить в научном исследовании «идею непротиворечивости» как принцип жизни и мышления научного сообщества, сформулированную, например, так: «... мы должны стремиться к объединению и жить в духе непротиворечивости» [Козлов, 2004, с. 206]?

Психология на протяжении всей своей истории движется между двумя соблазнами:

— избавиться от субъективности своего предмета, стать наконец «настоящей» наукой, исследовать объективно существующие явления;

— раскрыть загадку человеческой души: научно доказать, обосновать, что является смыслом человеческой жизни, что нужно человеку для счастья и к чему он должен стремиться, что есть добро и зло.

Полагаю, что как первое, так и второе невозможно, а попытка сделать движение к любой из этих целей основным вектором развития психологии ведет к разрушению психологической науки, к утрате ею своего подлинного предмета.

Путь к пониманию и определению предмета психологии на новом этапе ее развития лежит, на мой взгляд, через осознание очевидного.

«Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т. п. — все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано», — писал С. Л. Рубинштейн.

«Научная психология изучает факты, механизмы и закономерности той формы жизни, которую обычно называют душевной», — говорится в двухтомнике А. В. Петровского и М. Я. Ярошевского «История и теория психологии».

Вряд ли кто-либо из коллег будет возражать против этих определений, всем хорошо известных, однако то, что споры о предмете не утихают, говорит о том, что данные определения не представляются коллегам достаточными. Почему?

Л. М. Веккер, лекции которого мне посчастливилось слушать, когда я была студенткой ф-та психологии ЛГУ, уже тогда, в 70-е годы XX века, придавал проблеме предмета огромное, основополагающее значение для развития психологии, однако рассматривал он эту проблему существенно по-иному, чем она ставится в большинстве современных работ. Л. М. Веккер обсуждал не формулировку, а содержание, сущность предмета психологии. Его интересовал сам процесс обретения и осознания психологией своего предмета: «Существует глубокая и все более отчетливо раскрывающаяся аналогия между фазами становления отдельных актов индивидуального человеческого познания (восприятия или мысли) и ступенями исторического развития научных понятий. Из экспериментальной психологии восприятия хорошо известно, что процесс формирования образа начинается с различения и далее идет через опознание к полному и адекватному восприятию данного объекта <...> Аналогичным образом <...> историческое становление научных понятий начинается именно с их различения. Так, формирование и развитие понятия *психического* явления или процесса естественно начинается с различения психического и непсихического, т. е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается. Такое первичное различение по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, *общих* для всех процессов, относящихся к категории психических...» [Веккер, 1974, с. 9–10]. Л. М. Веккер справедливо полагал, что научное познание начинается с выделения эмпирических, феноменологических характеристик предмета (будем называть это определением вида А. За этим следует собственно научный анализ, итогом которого становится возвращение к предмету на новом витке: создание теоретической модели предмета, которая должна позволить объяснить его известные свойства и прогнозировать ранее не выявленные (определение вида Б).

Если обратиться к определению предмета психологии как мира душевных (психических) явлений, непосредственно переживаемой нами психической реальности, становится очевидным, что это определение феноменологическое (вида А). Споры же сегодня идут по поводу применимости в современной науке тех или иных определений теоретических моделей (вида Б). Таким определением было

классическое для советской науки определение психики: психика — системное свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой активного отражения субъектом объективной реальности. Такого рода определение предлагает сегодня Н. И. Чуприкова: «...психология занимается воссозданием (воспроизведением, реконструкцией, построением моделей) содержания, структуры, динамики и закономерностей отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга на основе детального изучения ее внешних поведенческих проявлений в известных и контролируемых обстоятельствах» [Чуприкова, 2004, с. 104].

По нашему мнению, психология как наука мультипарадигмальная в принципе не может иметь в качестве определения своего предмета теоретическую модель (вид Б), неизбежно порожденную в рамках лишь одной парадигмы. Как показал Л. С. Выготский в своей удивительно актуальной сегодня, хотя и написанной в 1927 г. книге «Об историческом смысле психологического кризиса», расхождение психологических теорий как раз уходит своими корнями в различное понимание сущности предмета психологии. При этом традиционный психолог, как он писал, определяет в качестве психических явления непространственные и доступные восприятию и осознанию лишь самого переживающего субъекта. Рефлексолог выделяет в качестве предмета своего анализа факты поведения, соотносительной деятельности, рефлексы. Психоаналитики считают психическими явления, в основе которых лежит бессознательное, не доступное осознанию субъектом. Соответственно определены три разных предмета изучения — три разных области применимости теории, которые потребуют разработки трех различных понятийных систем для описания и анализа фактов. Предвидение Выготского, что, чем более успешно будут развиваться школы, тем дальше они будут становиться друг от друга, блестяще подтвердилось ходом истории психологической науки, когда этап открытого кризиса психологии, современный Выготскому, перешел в этап затухания, продолжавшийся более полувека. Чтобы понять друг друга разным теоретическим школам, необходимо вернуться к началу, к эмпирике, породившей теории.

Общим определением предмета мультипарадигмальной психологической науки может быть только определение эмпирическое (вида А), отражающее феноменологию общего предмета исследования, объединяющего различные по его теоретическому осмыслению школы.

Работа исследователей по созданию концепции предмета психологической науки сегодня должна быть направлена именно на осмысление и уточнение феноменологии психической реальности. Такая работа имеет место, однако остается пока не частым явлением. Так, задача «провести различие между психическим и непсихическим, определить, в чем заключается своеобразие психики в ее отличие от других явлений» ставится в работе И. Н. Карицкого [Карицкий, 2004, с. 138].

Существенное внимание анализу эмпирических характеристик психического уделял Л. М. Веккер. В его трудах [Веккер, 1974; 1998] приводится перечень выявленных им атрибутов психического, который заслуживает сегодня самого пристального внимания.

1. Предметность. Это исходный, критический по Л. М. Веккеру признак психического. Проявляется предметность в том, что «процессуальная динамика

механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к разным предметам: первая — к органу, вторая — к объекту. Так, восприятие, которое является функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины и пр. воспринимаемого объекта. Это свойство Л. М. Веккер называл корневым свойством психики и великим парадоксом психического, парадоксом проекции, кардинально отличающим психические явления от явлений физиологических.

2. Субъектность. Внутренняя динамика сдвигов в состоянии органов-носителей, которые тот или иной психический процесс реализуют (мозговые процессы и пр.), остается совершенно скрытой, непредставленной в картине психического процесса. Прямое построение предметно-структурированной картины восприятия, чувства или мысли с их устойчивыми, инвариантными характеристиками из «материала» стандартных нервных импульсов или градуальных биопотенциалов и их динамики осуществлено быть не может. Добавлю, что современная наука предоставляет нам все больше свидетельств сложного системного и опосредованного характера связи психического и физиологического, а значит, невозможности полноценной интерпретации всей психологической проблематики на языке физиологии.

3. Чувственная недоступность. Психические процессы недоступны прямому чувственному наблюдению. Л. М. Веккер отмечает, что «вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем». «Человек не воспринимает своих восприятий, — продолжает он свою мысль, — но ему непосредственно открывается картина их объектов <...>. Психический <...> процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Это прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве» [Веккер, 1998, с. 23–24]. Отметим, что трактовка Л. М. Веккера противоречит постулату о непосредственной данности психического его носителю, принятому в традиционной психологии и нередко возрождаемому в современной. Психическое здесь предстает лишь как средство, механизм познания объективной действительности, недоступное субъекту, как недоступны ему и физиологические механизмы психики, открытые внешнему объективному анализу. Из принятия или непринятия тезиса о чувственной недоступности психики (на мой взгляд, убедительно аргументированного Л. М. Веккером) следуют далеко идущие выводы в отношении как применимости интроспекции в качестве метода исследования психической реальности, так и — еще раз — возможности познания человеком души, если понимать под ней некую сущность, которая проявляет себя в психических (душевных) явлениях.

4. Спонтанная активность. Психическая активность прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. В ней нет также жестко фиксированной во всех ее конкретных реализациях программы, и субъект может действовать «на много ладов». Психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Эмпирические признаки, которые выделены в цитируемых работах Л. М. Векера, не закрывают проблему описания феноменологической реальности, вокруг которой выросла и сложилась современная психологическая наука и практика. Но они могут послужить основой для конструктивного обсуждения ученых, заинтересованных в установлении взаимного понимания и единого пространства общения в современный посткризисный период развития мировой психологии. Именно в этом направлении сегодня должны быть продолжены исследования «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа» (цит. по: [Зинченко, 2004, с. 102]), основы которых были заложены А. А. Ухтомским, А. Н. Северцовым, И. М. Сеченовым, Н. А. Бернштейном и другими «верующими реалистами» (цит. по: [Зинченко, 2004, с. 102]). Феноменология психических явлений, ее анализ и уточнение, представляется сегодня той основой, на которой может строиться разработка концепции предмета в современной мультипарадигмальной психологической науке. Той основой, которая позволит представителям различных школ вести конструктивный диалог, понять друг друга и соотнести в едином предметном пространстве теории, разработанные на основе различных постулатов и методических приемов.

Таким образом, в своем видении разработки концепции предмета, мы исходим из необходимости решения двух основных задач современного этапа в развитии психологии: во-первых, интеграции направлений и школ в структуре единой мультипарадигмальной науки; во-вторых, сохранения психологией статуса и сущности науки, что требует размежевания с внеучеными формами психологического познания.

Определение предмета должно быть достаточно широким и не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых. Таким определением сегодня, по нашему мнению, может быть только определение эмпирическое, отражающее феноменологию предмета исследования, объединяющего различные по теоретическому его осмыслению школы. Разработка концепции предмета психологической науки сегодня должна идти в направлении осмысления и уточнения феноменологии психической реальности.

Необходимо в дискуссиях о предмете перейти от споров о том, какое из предлагаемых определений является наиболее истинным, обоснованным (т. к. обоснования теоретических моделей покоятся на взаимно неприемлемых для направлений и школ психологии системах постулатов), к обсуждению соответствия предлагаемых эмпирических определений критериям научности.